

Глава 7

Такой ответ Лу Хуайцзиня стал полной неожиданностью даже для съёмочной группы.

Режиссёр лихорадочно пролистал правильные ответы, его глаза наполнились недоумением.

Как такое возможно? Ошибки быть не должно.

Хотя та ночь и была безлюдной, пешеходам запрещено самовольно выходить на мост через реку. Тогда кто-то из прохожих вызвал полицию, но к моменту их прибытия Вэнь Иньхэ уже был увезён Лу Хуайцзинем.

Эту новость Лу Хуайцзинь позже замаял, но протокол допроса Вэнь Иньхэ в полицейском участке остался. Съёмочной группе пришлось приложить невероятные усилия, чтобы раскопать эту тайну.

Это была практически единственная зацепка, указывающая на их первую встречу.

Ведь до официального объявления о свадьбе между ними действительно не было абсолютно никаких пересечений!

Режиссёр был убеждён, что в ту ночь, когда Лу Хуайцзинь увёз Вэнь Иньхэ, между ними что-то произошло!

Иначе с чего бы им так спешить со свадьбой?

Даже если речь не шла о так называемом «покровительстве», наверняка имела место какая-то тайная сделка!

Пусть они и не расскажут о деталях той ночи, но достаточно было вбросить новость о скоропалительном браке, и в сети нашлось бы множество людей с богатым воображением.

Неважно, что они там напридумывают, — всё это создаст ажиотаж, и режиссёр не собирался упускать такой шанс.

Но он ломал голову, но и представить не мог, что у Лу Хуайцзиня была своя, скрытая история!

И, судя по выражению лица Вэнь Иньхэ, он и сам, кажется, ничего не знал.

[Чёрт! До 2016 года? Я тогда ещё в детский сад ходил! Так что же произошло? Оказывается, у Киноимператора и директора Лу такая давняя история?]

[Точно, я вспомнил! В том году Вэнь Иньхэ как раз снимался в Линчэне! И тут внезапно случилось сильнейшее землетрясение, какого не было уже сто лет. К счастью, съёмочную группу вовремя эвакуировали в безопасное место, и никто не пострадал. Но из-за острой нехватки людей вся команда отправилась помогать в качестве волонтеров, даже пятнадцатилетний на тот момент Киноимператор пошёл. Об этом потом писали в новостях!]

[Чёрт, я тоже вспомнил! Съёмочная группа изначально не собиралась делать из этого пиар, но репортёр, снимая репортаж, случайно заснял Киноимператора, помогавшего разбирать завалы. Тогда он был с головы до ног грязный, как попрошайка, и его никто не узнал. Репортёр, увидев, что он такой молодой, даже взял у него короткое интервью. Этот отрывок до сих пор показывают в подборках «Знаменитости, которых случайно приняли за прохожих и взяли интервью»!]

Получив наводку, интернет-пользователи немедленно бросились на поиски и быстро нашли то самое видео.

Качество записи шестнадцатилетней давности было ужасным, как у пиратского диска, но люди в кадре выглядели проще и искреннее.

В конце концов, в ту эпоху актёров ещё называли актёрами, а не звёздами.

Актёрство было обычной профессией, даже считалось искусством, и было далеко от нынешнего звёздного статуса, сопряжённого с роскошью и богатством.

Репортёр сначала взяла интервью у нескольких военных, участвовавших в спасательных работах, а затем её взгляд упал на заметно более худую фигуру. Она поспешила подойти, но столкнулась с маленьким лицом, чёрным, как уголь.

Эти тёмные глаза, прекрасные, как тихая ночь, сияли чистым звёздным светом. Ресницы, подобные воронову крылу, были покрыты пылью, но это ничуть не омрачало ясности и чистоты его взгляда.

Как ни посмотри, это был совсем ещё подросток.

Увидев приближающуюся камеру, юноша смущённо вытер рукой грязь с лица и застенчиво улыбнулся в объектив.

Эта улыбка невольно напомнила ту, что зрители видели в первый день шоу, когда Вэнь Иньхэ, открыв дверь, так же робко улыбнулся в камеру.

Два разных времени, спустя шестнадцать лет, словно причудливо наложились друг на друга.

Пользователи сети на мгновение растерялись.

Видео продолжалось.

Разглядев лицо юноши, репортёр от удивления чуть не заикалась:

— Простите, сколько вам лет?

— Мне пятнадцать, — голос юноши был хриплым после ломки, но не неприятным, а, наоборот, по-юношески свежим.

Уже тогда в тембре Вэнь Иньхэ угадывались будущие чистые и тёплые ноты. Он говорил чётко, размеренно, без спешки, а его произношение было настолько правильным, что он совсем не походил на местного жителя.

Репортёр, прикрыв рот рукой, воскликнула:

— Боже, такой юный?

Юноша слегка улыбнулся:

— Уже не маленький. Могу поднять стену весом более ста цзиней.

Репортёр на мгновение замерла, явно ошеломлённая, а затем обеспокоенно спросила:

— Вы пришли добровольно? Ваши родные не волнуются?

— Да, я доброволец, — серьёзно кивнул юноша. В его ещё не сформировавшихся чертах читались не свойственные его возрасту спокойствие и выдержка. Даже перед лицом ужасного стихийного бедствия его глаза излучали твёрдую нежность. — Когда страна в беде, каждый должен внести свой вклад. Я верю, что даже самые малые силы, объединившись, могут свернуть горы.

На второй вопрос юноша лишь улыбнулся, ничего не ответив.

Репортёр была так поражена его осознанностью в столь юном возрасте, что потеряла дар речи и не обратила внимания на эту деталь. Глядя на него, её глаза наполнились материнской любовью и состраданием, а голос невольно смягчился:

— Хотите что-нибудь сказать тем, кто смотрит нас по ту сторону экрана?

Юноша кивнул и посмотрел прямо в камеру. В его тёмных глазах не было ни страха, ни робости; они сияли, как звёзды, излучая спокойствие, мир и мягкий свет, словно в них была

сосредоточена вся несокрушимая сила мира. Он произнёс твёрдо, слово за словом:

— Я надеюсь, что наша родина как можно скорее оправится от этой трагедии. Я надеюсь, что выжившие жители Линчэна, с верой в светлое будущее, продолжат жить стойко. Я надеюсь, что души ушедших обретут покой. И я надеюсь, что те, кто всё ещё находится под завалами, не оставят ни малейшей надежды на спасение. Держитесь. Пожалуйста, верьте, что родина обязательно придёт вам на помощь!

Видео закончилось. Все долго молчали.

Спустя некоторое время кто-то разрыдался:

[У-у-у-у, чёрт побери! За одну минуту я плакал пять раз!]

[Сестра, я тебя понимаю. В тот момент, когда Киноимператор поднял голову, я не выдержал. Потом каждое его слово пробивало меня на слёзы! Репортёр сказала, что он слишком юн, а он возразил, что уже может поднять стокилограммовый камень, поэтому он не маленький! Кто понимает, о чём я! Я просто разрыдался!]

[Убейте меня... как на свете могут быть такие чистые дети? Я бы дал ему поиграть со своими фигурками! QAQ]

[Что за магия у этого человека, что от одного взгляда на него хочется плакать? С «Предком, белым лунным светом» было то же самое, но как он умудрялся вызывать те же чувства, будучи ещё совсем ребёнком!!!]

[Оказывается, некоторые люди действительно растут, сохраняя свои черты... Удивительно, его глаза за шестнадцать лет совсем не изменились! Всё та же нежность, от которой хочется плакать, у-у-у-у.]

[Поэтому, когда появились те грязные слухи, я не поверил ни единому слову! И до сих пор моя вера в него не пошатнулась! Я видел, как он рос! Я знаю, какой он человек! Я не верю, что такой искренний, чистый человек мог совершить те грязные поступки! Это всё клевета! Оговор!]

[Что тут говорить, за один только его вклад в спасение людей во время землетрясения он заслуживает, чтобы вся индустрия развлечений возвела его на пьедестал!]

[Хотя... люди меняются. Даже самый честный и добрый юноша, попав в такой котёл, как индустрия развлечений, не всегда может сохранить свою чистоту...]

Хотя некоторые всё ещё пытались спекулировать на сомнительных слухах о Вэнь Иньхэ, большинство новых зрителей уже прониклись к нему симпатией.

После этого эпизода многие изменили своё мнение о нём.

В конце концов, для жителей страны Хуаго патриотизм — это святое, и одного этого было достаточно, чтобы завоевать их расположение.

Тем временем на шоу, поскольку даже у съёмочной группы ответ на последний вопрос оказался неверным, победу засчитали Лу Хуайцзиню.

Режиссёр был раздосадован упущенной возможностью устроить сенсацию, но, просмотрев план дальнейших игр, немного успокоился.

Ничего, впереди ещё много испытаний, и у них обязательно будет шанс вывести всех на чистую воду.

На съёмочной площадке Вэнь Иньхэ и Лу Хуайцзинь с блеском прошли «Испытание на близость», набрав беспрецедентный максимальный балл.

Стена позади них открылась, и Вэнь Иньхэ торопливо спустился с помоста. Не дожидаясь, пока выйдет Лу Хуайцзинь, он шагнул вперёд и заключил его в объятия.

— Я и не знал, что ты тоже был там, — в нахмуренных бровях Вэнь Иньхэ читались глубокая боль и запоздалый страх. Его руки, обнимавшие Лу Хуайцзиня, слегка дрожали. Как он мог представить, что шрамы, которые он с такой нежностью целовал все эти годы, были неразрывно связаны и с ним самим.

В тот год он провёл в Линчэне целый месяц и своими руками вытащил из-под завалов не меньше сотни выживших.

Каждый спасённый, израненный и покалеченный, оставлял в его душе глубокий след. Воспоминания об этом до сих пор вызывали у него чувство огромной скорби и боли.

И мысль о том, что среди них был его нынешний возлюбленный, была настолько мучительной, что ему стало трудно дышать.

Тёплая ладонь Лу Хуайцзиня легла на прерывисто вздымавшуюся спину Вэнь Иньхэ, поглаживая и успокаивая. Он коснулся носом его стиснутой челюсти и поцеловал в уголок губ.

— Я так рад, что именно ты спас меня тогда. Это дало мне возможность семь лет назад отплатить тебе тем же.

Вэнь Иньхэ молча обнимал Лу Хуайцзиня некоторое время, а затем вдруг почувствовал, что вокруг стало подозрительно тихо.

Подняв голову, он встретился с несколькими парами горящих от любопытства глаз.

Вэнь Иньхэ: «...»

Неизвестно, когда они успели незаметно подобраться. Хоть они и не подходили близко, чтобы не мешать, было очевидно, что они уже давно подслушивают.

Даже Тяньинь не торопилась объявлять следующий раунд, явно желая, чтобы они рассказали что-нибудь ещё.

Предвкушая сенсацию, Сяо Е забыл о всяком страхе и смело спросил:

— Директор Лу, так значит, Киноимператор — ваш спаситель?

— Да, — ответил Лу Хуайцзинь. В этом не было ничего такого, что стоило бы скрывать, к тому же это могло поднять репутацию его возлюбленного, так что он был только рад. — На самом деле, всё довольно просто...

Рассказ Лу Хуайцзиня был бесстрастным, его голос звучал ровно, как вода, без всяких прикрас, но тот кошмарный год, словно вершина айсберга, медленно предстал перед глазами людей, живущих в мире и благополучии.

Тогда Лу Хуайцзиню было всего семнадцать, но он был не по годам развит и обладал высоким интеллектом. К семнадцати годам он уже окончил университет и набирался опыта под руководством своего приёмного отца.

Проект в Линчэне стал его первым испытанием.

Бригадир, видя перед собой неоперившегося юнца, неоднократно унижал его на глазах у всех, но он молча сносил всё, не жалуясь приёмному отцу, и, наоборот, всё делал сам, доводя до совершенства.

Однако это не вызвало у бригадира уважения. Напротив, в сердцах этих озлобленных людей, угнетаемых начальством, зародилось чувство мстительного удовлетворения.

В день землетрясения он не должен был находиться в том здании.

Но бригадир внезапно заявил, что на том объекте возникли проблемы, и настоял, чтобы он лично поехал всё проверить.

Он знал тот участок — сплошные аварийные и недостроенные здания с крайне неразумной

планировкой, которые давно пора было снести. Но никто не брался за это дело, и всё откладывалось. При землетрясении оттуда и муха бы не вылетела.

Бригадир был местным и ещё за день до этого слышал по громкоговорителю на улице, что сегодня возможны небольшие толчки, и рекомендовалось оставаться на открытых пространствах и не передвигаться без надобности.

Они прожили на этой земле десятки лет и всякое видали.

Всего лишь небольшие толчки, не смертельно.

Зато отличный способ напугать этого заносчивого мальчишку.

Обо всём этом Лу Хуайцзинь не знал.

С самого приезда он работал без остановки, и за последние десять дней из-за напряжённого графика его сон сократился до минимума. У него не было ни времени, ни возможности следить за местными новостями.

А как чужака, его тогда сторонились все местные рабочие.

Никто его не предупредил, и так, под злобные усмешки всех, он в одиночку отправился в то аварийное здание.

Кто же знал, что эти толчки превратятся в самый страшный кошмар для жителей Линчэна за последние сто лет.

Услышав это, Сяо Е невольно затаил дыхание, его голос стал немного влажным от слёз:

— Так вас... завалило обломками...

— Да, — небрежно подтвердил Лу Хуайцзинь и тут же, словно невзначай, добавил самый жестокий факт: — И на том участке с самого начала землетрясения я был единственным живым человеком.

Вэнь Иньхэ крепко сжал руку Лу Хуайцзиня, его глаза мгновенно покраснели.

Лу Хуайцзинь успокаивающе сжал его пальцы в ответ, поднёс их к губам и поцеловал, а затем с нежностью потёрся щекой о тёплую, надёжную руку возлюбленного.

В тот момент, когда его поглотила тьма, он и не думал, что у него есть шанс снова увидеть

свет.

Звук арматуры, вонзающейся в рёбра, казалось, до сих пор отдавался в ушах. Катастрофа происходит в одно мгновение.

Не успел он осознать, что случилось, как его безжалостно погребло под бетоном и обломками высотного здания.

Только столкнувшись с природной стихией лицом к лицу, можно по-настоящему ощутить эту гнетущую, трагическую беспомощность.

В тот момент всемогущий властелин Земли, человек, был ничтожен, как пылинка, втопанная в грязь великаном.

С жестоким и безразличным равнодушием.

Отчаяние в тот миг обрело вес. Лу Хуайцзинь отчётливо чувствовал, как жизнь по капле покидает его. В горле стоял густой привкус железа, от которого он несколько раз чуть не задохнулся.

Лу Хуайцзинь ясно и холодно понимал, что если он закроет глаза, то умрёт, поэтому он изо всех сил старался издавать звуки.

Он не мог громко кричать, ему нужно было беречь силы, поэтому он лишь стучал пальцами по стальному пруту, пронзившему его тело.

Арматура проходила насквозь, и стук по ней должен был передаться через твёрдую среду наружу.

Это был его единственный способ подать сигнал о помощи.

В этот момент Вэнь Иньхэ почувствовал, словно его пронзила та же тупая боль.

Стальной прут, пронзивший грудь Лу Хуайцзиня, словно преодолел шестнадцать лет и теперь, под аккомпанемент бесстрастного рассказа возлюбленного, вонзился в его собственные рёбра.

Он невольно схватился за грудь. Его кожа была цела, но ему казалось, что он может коснуться того самого острого металлического края, который тогда пронзил тело Лу Хуайцзиня, и его собственное сердце обливалось кровью.

— Тогда все говорили, что на том участке никого не может быть, и просили меня не ходить

туда... — Вэнь Иньхэ посмотрел на своего возлюбленного, теперь целого и невредимого, его глаза налились кровью. Обычно чистый и звучный голос стал хриплым, как будто его протёрли наждачной бумагой, и он едва мог говорить.

За свои тридцать с лишним лет он впервые осознал, что боль можно чувствовать за другого.

— Но ты услышал мой зов. Только ты, — Лу Хуайцзинь с улыбкой нежно взял в ладони лицо Вэнь Иньхэ, полное сострадания. — И своими руками вытащил меня из-под завалов.

Благодарный и нежный поцелуй возлюбленного коснулся его влажных от слёз глаз.

Никто не знал, как Вэнь Иньхэ в том оглушительном шуме смог так чётко и точно уловить слабый, но отчаянный, предсмертный зов о помощи юноши, который был всего на два года старше его и находился в десятках метров от него.

Вэнь Иньхэ смотрел на него горящими глазами. Поцелуй возлюбленного был подобен раскалённой лаве, которая в момент раскрытия правды, спустя шестнадцать лет, с пугающей тяжестью жизни обожгла ему глаза.

— Как ты узнал меня?

— По глазам, — Лу Хуайцзинь провёл пальцами по прекрасным глазам Вэнь Иньхэ, которые за эти годы ничуть не изменились. Всё течёт, всё меняется, и лишь его возлюбленный оставался прежним. — У тебя очень красивые глаза. Тот, кто видел их хоть раз, никогда не сможет забыть.

Сказав это, Лу Хуайцзинь вдруг тихо рассмеялся.

Благодаря появлению Вэнь Иньхэ то предсмертное воспоминание не только не оставило в его душе тени, но и со временем превратилось в прекрасный, сказочный сон.

— Ты не знаешь, но твой ответ на мой зов о помощи был самым прекрасным звуком, который я когда-либо слышал.

И когда худой, с ещё по-юношески узкими плечами, юноша, разобрав тяжёлые камни, протянул ему, умирающему, руку, он, хоть и был весь в грязи и пыли, как маленький попрошайка, стал для него самым незабываемым и прекрасным видением в жизни.

В тот миг он узрел своё божество.